

*И простер Моисей руку свою на море,
и гнал Господь море сильным восточным
ветром всю ночь, и сделал море сушею,
и расступились воды.*

Исх. 14:21

Д

алеко не добрым утром Алик проснулся от очень раннего телефонного звонка.

— Штатский, — услышал он голос коменданта. — Мы отступаем. Мы уходим. Прямо сейчас. Ты понял меня?

— Понял, — ответил Алик, мгновенно проснувшись. — Где мне вас перехватить?

— Нигде, — отозвался комендант. — Ты меня прости, но мы отступаем на Донецк, и я даже не знаю, дойдем ли. Это серьезно. У меня куча военных, за которых болит голова, и мне совсем не хочется иметь еще одну головную боль — штатского. Если тебя убьют, что я твоей маме скажу? Могу посоветовать только одно: попытайся лечь на дно. Может быть, пронесет. Здесь для тебя шансов погибнуть гораздо больше. Штабные документы я забрал с собой, так что там не осталось ничего, где бы твое имя фигурировало. Дальше думай сам. Все. Отбой.

— Отбой, — машинально повторил Алик.

И охренел.

И немудруeno — только вчера записывался видеоролик с обращением коменданта к жителям города, где говорилось, что все в порядке. Что позиции стоят крепко и нерушимо, и все, что требуется от мирных, — сохранять спокойствие. И вдруг — отступление. Объяснение этому могло быть только одно: любой маневр есть военная тайна, и комендант, заранее зная об отступлении, не мог, не имел права сказать об этом прежде, тем более в эфир.

Алик тут же набрал номер Шерифа, коменданта здания штаба. И Шериф ответил ему:

— Да, все так. Якут правильно тебе сказал. Мы уже за пределами города. Так что да, либо ложись на дно, либо уезжай.

— Понял, отбой, — ответил Алик и после нажатия кнопки отбоя прорычал: — Твою мать!..

Ну что ж... Он действительно занимался в штабе краматорского ополчения исключительно гражданскими делами. И оружие не носил. И позывной его был — Штатский. Но разве в этом дело? Если каратели его арестуют, они на это не посмотрят. Так Алику подумалось сразу.

Между тем за окном стояло совершенно раннее незрелое утро, но после таких новостей было уже не до сна. Алик нервно выкурил сигарету и стал одеваться, даже не попив утреннего чая. Какой чай, Господи? До него ли сейчас? Прежде всего, нужно было выйти на улицу и увидеть своими глазами, что происходит, а уже потом о чем-то думать и что-то решать.

— Сынок, ты далеко собрался? — услышал он голос еще не проснувшейся мамы.

— Нет, мама, я скоро.

Алик уже давно ничего не боялся, но сейчас, как только он вышел на улицу, ему стало не по себе. В городе мертвецки тихо. Если бы не птицы, которые после любых обстрелов пели по утрам, недолго и с ума сойти. На улице ни единого человека. На дороге ни единого автомобиля. Это ввело Алика в ступор — ведь даже в самые страшные дни блокады хоть изредка, но ездили и грузовые машины, и даже редкие смелые таксисты. На поднятую руку всегда останавливались, подвозили. Считай бесплатно, за символические копейки. А сейчас — никого. Хоть собак гоняй. Это была первая недобрая примета. И, к сожалению, не последняя.

Когда Алик дошел пешком до штаба ополчения, он увидел вторую примету, еще более зловещую. Возле входа в штаб топтались какие-то мутные мужики, которых Алик никогда здесь раньше не видел. Изнутри столь же мутные мужики вытаскивали коробки, которые тут же грузились в машины и увозились непонятно куда.

«Эх, — вздохнул Алик, — не успели оккупанты в город войти, а мародеры уже тут как тут. Что же вытаскивают, суки? Гуманитарку, не иначе».

Действительно, в штаб регулярно приходила гуманитарная помощь для ополченцев. И что характерно, ни один ополченец не съел оттуда ни единой крошки и не присвоил ни одной тряпки. Все раздавалось мирным жителям. Да, раздавалось не так оперативно, как хотелось бы, но все же... Алик тут же вспомнил, как однажды ответственный за раздачу человек подошел к нему и спросил:

— Алик, не подскажешь, как мне с этим справиться?

— Да очень просто, — ответил тот, — нужно раздавать помощь самым нуждающимся, то бишь инвалидам и ветеранам. А теперь оглянись: в здании, что напротив, находится общество ветеранов. Оно закрыто, не

ломой двери. Моя мама — зампредседателя общества ветеранов. Будет нужно — я у нее списки возьму. А общество инвалидов находится в Старом городе, буквально в двухстах метрах от моего дома. Мне будет несложно завтра утром зайти туда и взять списки. С фамилиями, с адресами. Легко!

Список ветеранов действительно был составлен на следующий день. А с инвалидами все оказалось не так просто. Как выяснилось, руководство их общества исчезло из города. Они вывезли группу инвалидов в Одессу и там остались вместе с ними. И появились в городе только после прихода карателей. И вывозили инвалидов на всякие проукраинские сборища и шабаши. В креслах. С жовто-блакитными флагами.

Но что ветераны, что инвалиды — люди, которые не всегда сами в состоянии прийти за гуманитаркой. Нужен как минимум микроавтобус, чтоб развезти ее по адресам. А он под рукой оказывался далеко не всегда. И потому гуманитарка частенько стояла на первом этаже, упакованная в коробки и готовая к развозке. Вот ее-то и растаскивали сейчас новоявленные мародеры.

Алик вздохнул, развернулся и пошел в сторону дома. Возле штаба ему больше нечего было делать.

«И что теперь?» — спрашивал он себя по дороге домой. И не находил ответа. А возле дома зашел в магазин, взял водки. Дома тут же прошел к себе в комнату, открыл...

И немедленно выпил.

И ушел в запой.

Сколько дней прошло, три или четыре, Алик не осознавал. Все это время он мрачно пил водку. Иногда выбирался в магазин, пополнял запасы и немедля возвращался домой. Но все хорошее имеет свойство заканчиваться, так что то ли на четвертый, то ли на пятый день Алик внезапно обнаружил, что водка кончилась. И деньги тоже. Одновременно. И с этим нужно было что-то делать.

Алик тяжело задумался.

«Ну а что тут думать? Нужно добыть денег. Где? Снять с карточки. Но вот в этом-то и вся загвоздка... У меня карточка Сбербанка. Отделение разбило снарядом, и больше нигде в городе я денег не сниму. Нужно куда-то ехать. В соседний город. Но только не в Славянск, там вообще все разбито вдребезги. Нужно в другую сторону. В Дружковку. Там практически не стреляли. На нас бросили все силы, а на Дружковку их уже не хватило. Значит, нужно ехать туда».

С этим решением Алик взял в руки телефон, нажал несколько кнопок и спросил:

— Паша?

— Он самый! — раздался в ответ бодрый голос. — Привет из города-героя Дружковки!

— Город-герой Краматорск аналогично приветствует тебя, — хмыкнул Алик в ответ. — Ты лучше скажи мне: у вас филиал Сбербанка работает?

— Конечно, работает, куда ж ему деваться, — даже удивился вопросу Паша.

— Отлично. Тогда я еду к вам.

— Когда?

— Да хоть сейчас.

- Автобусы же не ходят...
 - Не впервой.
 - На въезде в город меня набери, я встречу тебя возле банка.
 - Замечательно. Добро.
- Алик встал и начал одеваться.
- Ты куда, сынок? — тут же спросила его мама.
 - В Дружковку. Денег с карточки сниму.
 - Осторожнее там.
 - Не впервой...

Алику повезло: он достаточно быстро поймал попутную машину и спустя какие-то полчаса уже въезжал в Дружковку. И вот тут-то, прямо на въезде, он увидел третью зловещую приметку времени. Он сидел, задумавшись о чем-то, и вдруг водитель толкнул его локтем в бок и показал за окно со словами:

— Смотри. Зачистка.

И Алик увидел, как несколько вооруженных людей в камуфляже колотили прикладами в чьи-то ворота. За кем-то пришли. Метров через триста картина повторилась. Потом еще. И еще. Впечатление было такое, словно арестовывают весь город. И вокруг стояла такая же пугающая тишина, нарушаемая только ударами прикладов в ворота.

— Вот и пришли к нам каратели, — задумчиво произнес Алик.

Другого слова у него не было. Ополчение, что бы о нем ни сочиняли, всегда старалось не обижать мирных, и уж если приходилось кого-то арестовывать, то это всегда было ЧП. Каждым подобным случаем занималась военная полиция, которая тщательно разбиралась в причинах ареста, выясняла, не было ли оговора, и если арестовавшие мирного были неправы или превысили свои полномочия, разбор был быстрым, а наказание виновных — жестким. А чтобы вот так, среди бела дня... Да такого в кошмарном сне присниться не могло! Так поступают только каратели. Охреневшие от своей вседозволенности.

Зато центр города выглядел почти спокойным. Алик с невольным изумлением разглядывал улицы без разрушений, улицы, полные прохожих, улицы с работающим городским транспортом. Оказывается, за время блокады он от всего этого отвык и сейчас слегка диковато озирался по сторонам, глядя вокруг изумленными глазами. И увидев встречающего его Пашу, не сразу его узнал.

Они обнялись, и Паша тут же заторопил Алика:

— Идем скорее, пока ты ехал, я тебе очередь занял.

И это было-таки совершенно правильное действие! Алик прекрасно помнил суточные очереди у банкоматов, когда нужно было записываться с утра и снимать деньги в лучшем случае на следующий день. Здесь тоже была очередь большая — ведь не один Алик приехал сюда из другого города, — но терпимая. Два-три часа — не время.

А когда деньги были получены, Паша предложил:

— Ну что? Поедем ко мне? Хоть поговорим. Расскажешь, что и как.

И у Паши за стаканом коньяка Алик разговорился. А Паша слушал и только качал головой. Сначала недоверчиво, потом недоуменно. Да и понятно: во время блокады информация из Славянска и Краматорска даже до соседних городов практически не доходила. Либо доходила в искаженной форме. В основном, всяческие страшилки. О страшных разбойниках-ополченцах, грабящих население направо и налево, о чеченских

боевиках, устраивающих поголовный террор, о русских уголовниках с наколками от плеч до пяток, выпущенных из тюрем специально для войны на Донбассе... да мало ли всякой лжи нагромождалось вокруг первых донбасских городов-героев. Паша молча все это выслушал, после чего задал единственный вопрос:

— А штаб ваш где находился?

— Как где? — удивленно переспросил Алик. — В здании исполкома. Где ж ему еще быть?

— Мать... — вздохнул в ответ Паша. — А до меня доходил слухок, что вы базировались на первом этаже детского дома. А на втором были дети. И вы ими прикрывались от обстрелов.

— Паша, ты с ума сошел. Это же наш город. Это же наши дети. От кого ты это услышал?

Паша назвал имя общего знакомого, который когда-то очень давно жил в Краматорске, но уже много лет как после окончания медицинского института перебрался в Харьков и нес оттуда всяческие небылицы о зверствах ополченцев. Ему из Харькова было виднее.

— Передай ему при встрече, чтоб не попадался мне на глаза, — попросил Алик. — Я, конечно, известный гуманист и филантроп, но за такую ложь я ему голову отверну, и рука не дрогнет.

После паузы Паша задумчиво произнес:

— Он еще в апреле вывез из Краматорска маму и поселил ее где-то в селе на Полтавщине. И там ее не приняли ни соседи, ни местные власти. Сказали, что им сепаратистка не нужна. Она сейчас там на птичьих правах, а он... может быть, потому он и сочиняет подобные вещи?

— Пашенька, дорогой мой... — вздохнул в ответ Алик, — честное слово, это его ничуть не оправдывает. Ни в моих глазах, ни вообще. Это же остатки совести надо потерять...

За такими невеселыми разговорами они просидели почти до вечера. Уже начинало смеркаться, когда Паша вывел Алика на трассу и они поймали машину до Краматорска.

Алик вышел из машины возле вокзала. До дома нужно было пройти метров триста. И на полпути Алик увидел нечто такое, от чего он попросту оцепенел. На улице стоял ящик. Большой фанерный ящик с прорезью в верхнем торце, как у избирательной урны. Выкрашенный в желто-лазурный цвет. С нарисованным бандеровским трезубцем. И крупной надписью: «Сообщайте о сепаратистах и террористах!»

Через какое-то время, выйдя из ступора, Алик отправился дальше, размышляя о своем. И мысли его были невеселыми.

«Да... Наступило не только время мародеров и карателей, но и время стукачей. Как-то так вот сразу... Интересно, когда меня сдадут? И кто будет первым? Если уже не сдали... Мало того, начнут сдавать всех подряд. Кому-то сосед не нравится, жена у него красивая. Возьмет и напишет: мой сосед, такой-то и такой-то, — сепаратист и террорист. И ведь даже подписываться не станет. Все равно никто проверять не будет. Придут за соседом и закроют. Может, и меня уже у порога ждут...»

К счастью, у порога Алика ждал только огромный серый кот тигровой масти. Он всегда, только лишь Алик заходил в подъезд, стремглав несся к двери его встречать. Когда Алик перешагнул через порог, кот приветливо потерся о его ногу. Алик улыбнулся, погладил кота и произнес:

— Зверик... У дверей встречаешь... Нужно было бы тебя Аргусом называть. Хотя это был пес... Ну ничего. Теперь здесь будет твой пост. Будешь сторожевой кот. Укропов будешь на части рвать. Ты это сможешь, я в тебе уверен.

— Дурак, — прокомментировала мама его слова.

Войдя в комнату, Алик сразу же включил компьютер. Пошел ставить чайник. И только компьютер загрузился, тут же страшным голосом заорал скайп. На окошке вызова Алик прочел имя своего давнего ростовского друга.

— Алька! — закричал тот, едва Алик отозвался на звонок. — Ты как там?

— Да как... Жив пока.

— И это хорошо. А где ты находишься?

— А где я могу находиться? Здесь, в Краматорске.

— Алик, ты совсем с ума сошел или еще нет? Что ты там до сих пор делаешь? Ждешь, когда за тобой придут и расстреляют? Или надолго закроют? Герой хренов! Короче, поднимайся и езжай сюда! Немедленно! Мы все тебя ждем, ты нам нужен! Видали красавца, забаву нашел — в Краматорске сидеть! Вали сюда, я желаю видеть тебя своими глазами! Понял?

— Сынок... — раздался за спиной у Алика голос вошедшей в комнату мамы. — Твой друг совершенно прав.

Проснувшись следующим утром, Алик не обнаружил маму дома. Она пришла через пару часов и положила на стол билет.

— Это тебе, — сказала она Алику. — На автобус. До Харькова. Завтра утром.

Алик пробурчал что-то невнятное, поднялся и достал из шкафа старый надежный рюкзак.

— Что возьмешь с собой? — поинтересовалась мама.

— Самое необходимое.

И, бросив сожалеющий взгляд на книжные полки, добавил:

— И ни грамма лишнего веса.

— Ну а все-таки?

— Чистые брюки, пару рубашек, носки и смену белья. Свитер на всякий случай. И достаточно.

— А куртку? А теплые вещи?

— Зачем? Июль на дворе, жара стоит невыносимая. Какие теплые вещи?

— Июль будет не всегда.

— Да брось ты... К зиме вернемся.

Наивный чукотский юноша... Он был в этом свято убежден.

Завтрашним утром невыспавшийся, злой и похмельный Алик сидел в автобусе и ворчал:

— Козлы... двадцать лет меня дома не было, мотался по всей стране. А когда вернулся, думал, что уже навсегда. Так нет же, принесло этих западенских педерастов, и опять меня из дома выживают... Чтoб у них у всех рога на лбу вырастали... чтoб они все попередохли тут... чтoб им своей Галичины век не увидеть... чтoб... — каждое новое слово было еще более непристойным, нежели предыдущее.

Под эти заклинания автобус тронулся. Алик вздохнул, полез в рюкзак, достал оттуда бутылку и стальной стакан, выпил и уставился в окно.

И первое, на что он обратил внимание, — автобус пошел не в ту сторону. Лишь через несколько секунд Алик осмыслил, что обычно харьковский автобус идет через Славянск, но Славянск разбит. А во время блокады очень редкие автобусы проходили в Харьков по сельской местности, в обход блокпостов. Очевидно, водитель был из тех героических шоферов, что ходили этой дорогой. Подумав об этом, Алик успокоился и уже с любопытством смотрел в окно. Здешние дороги он знал очень неплохо, и сейчас, глядя на названия сел, через которые проходил этот окольный путь, только диву давался, представляя себе, какими кругами и зигзагами идет автобус, и мысленно отдавал должное мастерству водителя, который ехал уже третий час и ни разу никем не был остановлен.

Но наконец, уже где-то на границе области, автобус остановился. Дверь открылась, и с улицы прозвучало:

— Мужчины. Все. С документами на улицу.

Люди начали подниматься со своих мест. Поднялся и Алик, слегка качнувшись от выпитого. Едва он оказался на улице, как к нему тут же подошел какой-то нездорово злой мужик с автоматом и приказным тоном заявил:

— Снимай рубашку.

Чуть позже Алик понял смысл этого требования. Конечно же, каратели искали на теле следы от оружия — в первую очередь потертости от автоматных ремней, — а также возможные следы от ранений. Но Алик понял это позже. А тогда... тогда он поднял на карателя совершенно мутный взгляд и ехидно спросил:

— Трусы кружевные тоже снять? Тут тебе что, стриптиз, что ли?

Мужик взъярился.

— Снимай рубашку, тебе говорят! — гаркнул он дурным голосом и схватился за автомат.

— На, любуйся, — ответил ему Алик и стащил с себя рубашку, бормоча при этом под нос: — Педик какой-то...

Мужик окинул его взглядом и приказал:

— Спиной повернись.

— И что? — ехидно поинтересовался Алик, поворачиваясь спиной.

И мужик с автоматом ответил:

— Чистый...

— Это все? — произнес Алик и, не дожидаясь ответа, заявил: — Тогда я пошел.

И пошел. В автобус.

И только усевшись на свое место и приняв внутрь очередной глоток, Алик сообразил, что этот мужик с автоматом, явно оскорбленный в лучших чувствах, стгоряча забыл проверить его документы.

«Вот хорошо, — удовлетворенно подумал Алик. — В глаза б они не видели моего паспорта. Он забыл, а я напоминать не буду. Обойдется».

Между тем люди потихоньку возвращались в автобус и рассаживались по местам.

Наконец автобус тронулся. Алик тут же достал из кармана телефон, нашел нужное имя и нажал кнопку вызова.

— Володя, здравствуй! Я таки прошел первый блокпост, все в порядке. Посмотрим, что будет дальше.

— Отлично! — услышал он в ответ. — Давай, чтоб и дальше все было удачно!

— Попытаюсь.

- Я на связи.
- Аналогично.

По предварительной договоренности Алик в дороге держал с Володей постоянную связь. Если бы его где-то задержали и Володя не получил звонок, он успел бы из Донецка поднять шум. Конечно, вероятность благополучного исхода даже в этом случае была мизерной, но она все-таки была.

Нажав на кнопку отбоя, Алик вновь посмотрел в окно на бескрайнюю, ровную, как море, степь, и в его сознании отчетливо прозвучал стих из Книги Исход:

«И обвел Бог народ дорогою пустынною к Черному морю. И вышли сыны Израилевы вооруженные из земли Египетской».

Алик не был человеком воцерковленным, но Священное Писание знал неплохо и потому неукоснительно соблюдал третью заповедь — не поминал имени Господа всуе. Но сейчас, осознав, какая чаша его миновала, он облегченно вздохнул и совершенно искренне произнес: «Слава Тебе, Господи!» — и ему стало легче. Настолько легче, что он с удовлетворением отпил еще глоточек, закрыл глаза и задремал.

И проснулся он на въезде в город Изюм. На горе Кременец.

И вновь за окном был блокпост. И вооруженные каратели. Очень серьезно настроенные. И вновь открылись двери автобуса. И на этот раз прозвучало:

— Все — с паспортами — на улицу!

«О как... — подумал Алик. — Женщин тоже будут раздевать?»

Но здесь раздевалки не было. Выходящих людей сразу начали ставить в строй. В руках одного из карателей была прозрачная папочка с какими-то бумагами. Явно со списками.

Алика спасло чудо. Точнее, какой-то звериный инстинкт, тут по-другому не скажешь. Он не был готов к такому обороту событий, он не знал, есть ли его имя в тех списках. А наверняка могло быть. И он без малейших раздумий обратился к первому же попавшемуся карателю с автоматом, стоявшему возле автобусной двери:

— Мужик... Где тут у вас сортир?

— Кто? — изумленно переспросил каратель.

— Сортир, — повторил Алик.

После недолгой паузы до карателя дошло, что от него хотят, и он показал на одноэтажное здание через дорогу:

— Вон видишь здание? Через дорогу. В нем военкомат, а в военкомате — сортир.

— Понял, — ответил Алик и не спеша пошел через дорогу. Намеренно не спеша, постоянно ожидая окрика «стой!» и жесткого шмона. Но, к его удивлению, ни окрика, ни шмона не последовало.

Он не спеша перешел дорогу, дернул дверь военкомата, и та оказалась открытой.

— Мужик, — спросил он дежурного. — Где сортир у вас?

— Пройди по коридору насквозь, выйдешь во дворик, увидишь, — равнодушно ответил дежурный и уткнулся в кроссворд.

И Алик так же не торопясь прошел по коридору, вышел во дворик, увидел сортир, посетил его. Выйдя, не спеша выкурил сигарету и только потом направился к автобусу.

Подойдя, он увидел, что худшие его опасения оправдались. Строй стоял возле автобуса, и у всех поголовно сверяли документы со списка-

ми. Алик не знал, есть ли в этих списках его имя, но у него не было ни малейшего желания проверять это. Потому он молча подошел и встал в ту часть строя, которую уже проверили. И на него никто не обратил внимания. Это было невероятно, но так случилось.

Алик не верил. Алик отказывался верить в то, что ему так непомерно повезло. Даже тогда, когда автобус тронулся с места и стал с каждым мгновением увозить Алика все дальше от изюмского блокпоста, он все еще не верил. Даже тогда, когда он перезвонил своему донецкому другу и отчитался о том, что все в порядке, он все равно не верил. И лишь через какое-то время, успокоившись и отдышавшись, он понял, что сегодня Господь очень благосклонно отнесся к нему.

Спустя несколько месяцев, в Москве, Алик разговорился со своим старым товарищем, знавшим толк в военном деле. Тот выслушал рассказ Алика и кратко прокомментировал:

— Это все потому, что тамошние идиоты ничего не умеют. Даже поставить нормальную гребенку и просеять всех выходящих. Прислали необученных... Был бы я там, я бы смог наладить работу, как положено, и их заодно научить. Но я там не буду. Не нравятся они мне.

Алик невесело улыбнулся и ответил:

— Ну так очень хорошо, что тебя там не было. Может, кому-то еще вот так же повезло, как мне. А что тебя там и не будет — так это еще лучше. Иначе я с тобой за одним столом не сидел бы.

Но это было потом. А тогда, допив водку, Алик уже спокойно задремал, и его никто не трогал до самого Харькова. А там его встретили друзья. Спасибо, что Бог не обидел Алика друзьями!

Дальше — звонок в Донецк.

— Володя, все в порядке. Я вышел, я в Харькове. Меня встретили.

— Отлично, Алик! Я спокоен. Удачи тебе. Отбой.

Дальше — квартира одного из ребят, где в Алика влили какое-то количество коньяка, а потом долго расспрашивали обо всех событиях. Как очевидно. И Алик, прекрасно понимая, что сюда правдивая информация не поступала вообще, рассказывал без усталости обо всем. До позднего вечера. Пока не уснул.

А наутро — снова автовокзал, билет до Воронежа и по бутылке пива с друзьями на перроне. А через час — украинская граница, где Алик впервые за всю дорогу положил на стойку свой паспорт и никто не задал ему ни одного вопроса. Это позже украинские тамошни сделались драконовскими. А тогда Алику еще раз повезло.

И наконец-то — Россия.

На белгородском автовокзале Алик снял оставшиеся деньги с карты. То, что их было немного, его не беспокоило: руки есть, голова на месте, зарабатает. А пока — еще бутылка пива вдогонку, затем в автобус — и спать. Время выспаться было. Далее — сутки в Воронеже, и в поезд.

Ростовский вокзал встретил Алика сутолокой. Вокруг сидели, лежали, бродили толпы таких же, как и он, — ушедших. В кассовом зале стояли столики, где проводилась регистрация беженцев. Что с ними будет дальше, не знал никто. Слухи ходили самые разнообразные: и о спецлагерях для беженцев, и о расселении их по малолюдным регионам России, и... о чем только не говорили сорванные в одночасье с места растерянные люди. Алику запомнилось объявление на вокзальном туалете: «Прибыв-

шие из юго-восточных областей Украины обслуживаются бесплатно», — чем он и не преминул воспользоваться. А вот зарегистрироваться не стал. Еще в Краматорске ему объяснили, что, если ты зарегистрируешься и получишь статус беженца, могут возникнуть проблемы при возвращении домой, а Алик свято верил, что возвращение не за горами. Потому он сказал себе: Бог с ней, с регистрацией, проживу пока нелегалом, не привыкать, а дальше видно будет. И вышел из здания главного вокзала.

Пригородный вокзал находился в пятистах метрах. Алик перешел туда, сел на таганрогскую электричку, вышел на полпути — и задохнулся от свежего воздуха и тишины. Совсем другой тишины. Не пугающей. Господи, как давно он здесь не был!

Дальше оставалось совсем немного — перейти через луг и подняться на взгорочек к домам. Поднявшись, Алик зашел в один из двориков, где узнавшая его собака даже не залаяла, а сразу кинулась под ноги ласкаться. Погладив собаку, Алик поднялся на крыльцо. Двери в этом доме никогда не запирались, так что Алик просто открыл дверь и вошел в дом. И хозяин дома, старый друг Алика, поднялся ему навстречу, обнял его и произнес:

— Алька... Добро пожаловать домой!

Домой... Какое чудесное слово! Это по-настоящему понимаешь только тогда, когда лишаешься дома. Алик всерьез собирался вернуться домой к зиме, но прошло уже две зимы, а воз и ныне там. И он такой не один — огромное количество людей было вынуждено покинуть свои дома, и сейчас одни из них воюют за право вернуться именно в свой дом, но не в предавшую их Украину, а другие, сжав зубы, терпеливо ждут. Вот только война за это время приобрела полномасштабный характер, и иногда кажется, что не будет ей ни конца и ни края. Но люди воюют. И ждут.

Спустя неделю после приезда в Ростов Алика вызволил корреспондент одной из местных газет и договорился с ним о встрече и интервью. Они встретились в центре города, в кафе, где подавали исключительно чай, но очень хороший, выпили по чашечке, заказали еще и начали разговор. Корреспондент, молодой мальчик, начал беседу со слов:

— Итак, вы приехали из зоны АТО...

И Алик тут же резко прервал его:

— АТО — это уничтожение террористической группы. Я повторяю: террористической группы, а не населения двух областей! Поэтому то, что у нас происходит, — это не АТО. Это гражданская война. И мы можем вести беседу только с этой позиции. Если вы придерживаетесь другого мнения, то нам с вами не о чем разговаривать. Я не шучу. На Донбассе идет гражданская война. И люди там заняты очень важным делом. Они отстаивают русский мир. И это касается всех. И вас тоже. Донбасс сейчас — форпост. Если его уничтожат, вы — на очереди. Никто не отсидится. Да и я здесь не отсиживаюсь. Ростов для меня — всего лишь пункт перепряжки. Рано или поздно я обязательно вернусь домой, потому что там я нужнее...

Действительно, не прошло и года, как Алик вернулся в Донбасс. Пусть пока и не в родной Краматорск, но все-таки вернулся. Но это уже совсем другая история.